

Глава 1

Ли Наньчжу приснился кошмар.

— Похоже, маленькому уездному князю не дает покоя кошмар, — Чжу Лин, дежурившая в ту ночь, заметила это первой.

Боясь потревожить чуткий сон господина, она бесшумно, словно тень, выскользнула в сени и шепнула ночному караульному:

— Позови Синь Сы. Скажи, хозяину снится дурной сон.

Слуга за дверью тихо отозвался и тут же растворился в ночной темноте.

Вскоре во дворе затеплились огни. Синь Сы прибежал торопливо, на ходу набрасывая верхнее платье. Чжу Лин, изнывая от беспокойства, ждала его на крыльце. Увидев лекаря, она поспешила навстречу:

— Господин бьется в забытии, будить его я не решилась. Подумала, надежнее будет позвать тебя.

— И правильно сделала. Уездный князь у нас хрустальный, мало ли что, — Синь Сы наспех застегнул пуговицы и, кивнув, вошел в дом.

В спальне у двери едва теплились два светильника, рассеивая густой полумрак лишь мягким, зыбким свечением. Зажигать больше не решались, чтобы яркий свет не резал глаза спящему. Циньцзяо дежурила у постели. Стоило войти Синь Сы, как она осторожно приоткрыла тяжелый полог.

Ли Наньчжу лежал на постели, уставившись на них круглыми, как плошки, глазами.

— Вы чего это? Среди ночи спать не ложитесь, решили устроить смотрины? — Ли Наньчжу недовольно натянул одеяло до самого подбородка, словно опасаясь, что его увидят непотребно обнаженным. — А плату за вход кто вносить будет?

Прислуга безмолвно переглянулась. Первой пришла в себя Чжу Лин. Мягко, вкрадчивым голосом она принялась объяснять, что произошло:

— Главное, что вы очнулись, господин. Я видела, что вы весь взмокли от пота, пусть Синь Сы все-таки пощупает пульс.

— И то верно, хозяин, — вмешалась Циньцзяо. — Синь Сы так спешил, что даже пуговицы перепутал.

Ли Наньчжу бросил взгляд на лекаря и действительно заметил криво застегнутый ворот. Подумаешь, приснился кошмар, а шуму-то подняли... Впрочем, к подобной опеке он привык с самых малых лет.

— Ладно уж, раз пришел, не отправлять же тебя обратно с пустыми руками, — вздохнул Ли Наньчжу и протянул Синь Сы руку для проверки пульса. — Сон и впрямь был жуткий. Темнотища кругом, хоть глаз выколи, ничего толком не разобрать... Велите принести мне миску вонтонов с курицей и половинку кунжутной лепешки. Свежие лепешки печь долго, так пусть несут то, что найдут на кухне. Надо заесть этот испуг.

Услышав, что у хозяина прорезался аппетит, Циньцзяо с облегчением вздохнула. Быстро кивнув, она поспешила прочь. О каких хлопотах могла идти речь? Кухня в усадьбе работала исключительно на молодого господина. Захоти он отведать хоть вонтонов, хоть мяса сказочного дракона — все бы достали в мгновение ока.

Прибежав на кухню, Циньцзяо застала дежурного повара. Толстяк по фамилии Ли выделялся округлым брюшком и короткими пухлыми пальцами, которые, однако, творили настоящие чудеса, когда дело доходило до замешивания теста или лепки замысловатых сластей. Этого искусного мастера выписали прямоком из столицы в далекий Чжаочжоу ради того, чтобы ублажать вкус уездного князя.

— Будет сделано! — отозвался старик Ли, похлопывая себя по животу. — Дело нехитрое. Раз уездному князю угодно откусать, все мигом сообразим. Ступай обратно, девица Циньцзяо, мой подмастерье все принесет, как только поспеет.

Но Циньцзяо покачала головой:

— Да ладно тебе, не буду бегать туда-сюда. Я здесь подожду, а ты принимайся за готовку.

Шла вторая стража часа Быка. Ночной воздух дышал сыростью и пронизывающим холодом. Заметив, что Циньцзяо выбежала в одном легком платье и вся съежилась, старик Ли подошел к маленькой печи, где тихо булькал глиняный горшок. Стоило ему снять крышку, как по кухне поплыл упоительный, густой аромат.

— Бульон томился полночи, — улыбнулся повар. — Как удачно совпало: к утру как раз собирался приготовить для господина вонтоны на курином бульоне. Так что долго ждать не придется.

Не боясь обжечься, старик Ли отставил горячую крышку в сторону, зачерпнул ароматный бульон и наполнил чистую фарфоровую пиалу чуть больше чем наполовину.

— Ночи нынче холодные, — передавая пиалу через ученика, ласково проговорил старик. — Хлебни горяченького, погрейся. Четверть часа — и все будет готово.

— Спасибо, дядя Ли, — не стала чиниться Циньцзяо и вышла с пиалой в соседнюю залу.

Бульон, процеженный через куриный фарш целых три раза, оказался прозрачным, без единой капли жира, но при этом невероятно наваристым и ароматным. Девушка пила его не торопясь, бережно дуя на обжигающую жидкость. Стоило теплу разлиться по телу, как озноб отступил. Едва она осушила пиалу, как вонтоны и кунжутная лепешка уже были готовы — старик Ли безупречно владел своим искусством.

— Благодарю, дядя Ли, я побежала.

— Иди с богом, только под ноги смотри, темно ведь! — напутствовал ее повар, провожая взглядом ее хрупкий силуэт, скрывшийся в ночной прохладе.

Прислуга в усадьбе тоже делилась на ранги. Циньцзяо ходила в любимых девицах при княжиче, так что даже заслуженному повару приходилось с ней считаться. Впрочем, в поместье князя Ли царили строгие, но справедливые порядки. Те, кто прислуживал молодому господину, всегда отличались мягким нравом и никогда не притесняли младших слуг. Однако стоило кому-то проявить хоть каплю непочтительности к самому Наньчжу, как эта кротость мгновенно испарялась. Прислуга превращалась в грозных, преданных псов, готовых растерзать любого обидчика.

Зал Драгоценной Гармонии сиял огнями. Ли Наньчжу, облаченный в мягкий стеганный шелковый халат, подпоясанный широкой лентой, безучастно сидел в мягком кресле. В голове все еще крутился давешний сон. Сразу после пробуждения его охватил лишь смутный, безотчетный страх перед жуткой атмосферой кошмара, но теперь, воссоздавая в памяти детали, он ощущал, как по спине пробегает ледяной холодок.

К счастью, в этот момент внесли ночную трапезу.

Почувствовав дразнящий запах еды, Наньчжу мигом отбросил мрачные мысли в сторону.

— А вы сами-то ели? — спросил он прислугу.

— Кушайте на здоровье, господин. Нам недосуг, скоро уже и рассвет займется.

—... Пять часов утра — это еще не рассвет, — буркнул уездный князь и принялся за еду.

Вонтоны в наваристом курином бульоне так и пылали жаром. К ним подали золотистую, сочную лепешку с говядиной, рассыпающуюся на сотни хрустящих слоев. Хоть княжич и просил всего два блюда, повара не посмели ограничиться лишь ими. Старик Ли заботливо

добавил к заказу тарелочку соломки из соленых овощей, сдобренной ароматным кунжутным маслом, и пиалу хрустящего арахиса в темном уксусе — обычные закуски к утренней каше.

Ли Наньчжу наелся от души. Горячий бульон разогнал кровь, по телу разлилась приятная истома, а зловещий кошмар растаял без следа. В конце концов, пускай он и жил теперь в глухом средневековье, в прошлой жизни он прошел суровую школу социализма и твердо знал: чертовщины не существует.

Хотя... глядя на собственное перерождение, в этом стоило усомниться.

Допив бульон до последней капли, Наньчжу сладко потянулся.

— Ну все, я на боковую. Можете идти по своим делам. И помните: до десяти часов утра меня не будить. Даже если придет старший брат, гоните его в шею.

Спальня молодого князя состояла из нескольких смежных комнат. Лет с шести-семи он наотрез отказывался спать под присмотром нянек и служанок. Сначала устраивал бунты, но его не слушали: старшая невестка безумно боялась оставить ребенка без догляда. Однако в десять лет мальчик получил титул уездного князя, и тут уж его капризы обрели весомую силу. «Я теперь князь, и вы обязаны мне подчиняться!» — важно заявлял он. Невестка тогда лишь горько плакала, и Наньчжу сразу шел на попятную: «Ладно, пусть дежурят в приемном зале, но не ближе. Я все-таки мужчина, и мне не пристало спать в одной комнате с девицами».

Супруга старшего брата молча проглотила слово «гэёр». В приемной так в приемной. Она лишь строго-настрого наказала слугам заглядывать к нему по ночам и беречь как зеницу ока.

Наньчжу залез под одеяло, раскинулся на постели звездой и сыто похлопал себя по округлившемуся животу.

«... Переел, теперь так просто не уснуть».

Но и вылезать из теплой постели в промозглую утреннюю прохладу не хотелось. Укутавшись поплотнее, он уставился на резные узоры балдахина, погружаясь в раздумья. Чтобы прогнать остатки страшного сна, он принялся вспоминать былое.

С тех пор как он очутился в этом мире, пролетело девятнадцать лет.

Воспоминания о прошлой жизни казались теперь одновременно далекими и пугающе отчетливыми. Тогда он только-только окончил университет и успел проработать три года. В свое время он блестяще сдал экзамены и поступил в один из пяти лучших вузов страны. Получив диплом бакалавра, он сразу устроился программистом в крупную технологическую компанию, где его доходы быстро поползли вверх. Наньчжу до мельчайших деталей помнил изнурительные сверхурочные часы, когда офис заменял ему дом, а рабочий стол — постель.

Зато всего за три года он ухитрился скопить на первоначальный взнос за квартиру в столице провинции. Невероятный успех для вчерашнего студента!

Вот только порадоваться триумфу он не успел — погиб.

И ведь не от истощения, хотя пахал без продыху больше месяца. Когда тяжелый проект наконец сдали и у него образовалось заветное окно для отдыха, по дороге домой на пешеходном переходе его сбила машина.

«... Да точно же зеленый горел», — недовольно пробормотал Наньчжу.

Эта загадка так и осталась неразрешенной. То ли безумный лихач пролетел на красный свет, совершив роковую ошибку, то ли сам Наньчжу от вечного недосыпа ослеп и перепутал сигналы светофора.

Как бы там ни было, грозе Чжаочжоу, уездному князю Ли Наньчжу, докопаться до истины уже не суждено. На самом деле умирать оказалось совсем не страшно. Вспышка дикой боли, резкая темнота в глазах, а когда он пришел в себя, над ухом раздались крики: «Родился! Родился!» и «Это же гэер!». Какие, к черту, роды, его же только что переехал грузовик! Но вместо возмущенных криков из его горла вырвался лишь истощенный младенческий плач.

От неожиданности он едва не испустил дух повторно. Повезло, что выкарабкался.

В те времена его крошечный детский мозг еще не был способен на долгие размышления. Он только ел, спал да пачкал пеленки. Позже, разглядывая одежды окружающих, он сообразил: феодальный строй. Жизнь простого люда в ту эпоху была беспросветным адом.

Но стоило ему на праздновании первого месяца жизни увидеть свои золотые чаши и ложки, усыпанные самоцветами...

«... В прошлой жизни меня ждал изнурительный график, а в этой — золотая ложка во рту. Грех жаловаться».

Подросши и узнав, что судьба забросила его в Великую династию Ли — государство, которого не знала привычная ему история, — Наньчжу лишь покорно принял свою долю. Но вот когда ему открылась правда о том, что он родился гэером...

Ли Наньчжу малодушно уткнулся носом в подушку, укутался по уши и крепко зажмурил глаза, стараясь скорее уснуть.

В зале Драгоценной Гармонии напольные часы с боем мелодично пробили десять раз.

Наступил час Змеи.

Ли Наньчжу сладко посапывал в своей постели. Глубокий, гулкий звон часов не раздражал слух, а лишь мягко подсказывал время. Но княжич и не думал просыпаться: раз уж ночью пришлось пережить такой испуг, он имел полное право поваляться подольше! С этой исключительно логичной мыслью он натянул одеяло повыше и продолжил дремать.

Однако в соседнем поместье великого князя Ли его старший брат и невестка уже не находили себе места от беспокойства.

Усадьба уездного князя и резиденция великого князя Ли стояли стена к стене. Великий князь Ли Наньчжан приходился Наньчжу родным старшим братом от другой матери. Разница в возрасте у них составляла без малого тридцать пять лет, и старший брат души не чаял в младшем, для чего имелось великое множество причин.

Достаточно сказать, что когда Наньчжу исполнилось десять лет, старший брат лично направил императору прошение, умоляя передать свой собственный княжеский титул младшему. По законам империи Ли Наньчжу, будучи гэером, мог рассчитывать лишь на скромное звание уездной княжны — прецедентов, чтобы гэер получал титул уездного князя, история не знала. Ради этого Наньчжан готов был поступиться собственным положением. В итоге император сохранил за старшим братом его титул, но и младшему даровал уездное княжение. В Великой Ли Наньчжу стал единственным в своем роде обладателем столь высокого ранга.

— Приветствуем великого князя и княгиню, — Чжу Лин и Циньцзяо почтительно склонились в поклоне.

Ли Наньчжан лишь небрежно махнул рукой, но стоявшая подле него супруга, госпожа Цзоу, взволнованно опередила мужа:

— До нас дошли слухи, что Сяобао ночью перенес сильный испуг. Как он себя чувствует? Проснулся ли? Изволил ли откусать утренней каши?

— Отвечая на вопрос матушки-княгини, — поклонилась Чжу Лин. — Ночью хозяина действительно замучили кошмары, мы сразу позвали Синь Сы. После этого уездный князь изволил подкрепиться лепешками и вонтонами, но почивать изволит до сих пор.

Госпожа Цзоу с облегчением выдохнула:

— Раз аппетит хороший, значит, беда миновала. И все же завтракать нужно вовремя, иначе можно повредить здоровью.

— Пойдем навестим его, а то ты места себе не находишь, — мягко обратился Ли Наньчжан к супруге.

Стрелки часов давно перевалили за десять, так что служанки не посмели препятствовать чете великого князя.

Супруги направились во внутренние покои. По правилам приличия, пускай госпожа Цзоу и приходилась Наньчжу невесткой, он все же считался мужчиной. Молодой княжич давно вырос, и пускать женщину в его опочевальню было делом неподобающим. Но правила правилами, а на деле Ли Наньчжану исполнилось пятьдесят четыре года, его супруге — пятьдесят два, и они жили Наньчжу в родители. К тому же княгиня сама вынянчила деверя, заботясь о нем нежнее и преданнее, чем о родных сыновьях.

Подойдя к дверям спальни, Наньчжан уже занес руку, чтобы толкнуть створку, но жена строго осадила его:

— Сяобао уже взрослый! Я сколько раз говорила: прежде чем войти, нужно постучать.

Великий князь проворчал:

— Да какой он взрослый, малец еще... К тому же я его старший брат, неужто и мне постучать надобно? — Тем не менее, послушно постучал трижды. Госпожа Цзоу лишь ласково улыбнулась его ворчанию.

— Эй, лежебока! Солнце уже высоко, а ты все дрыхнешь, точно поросенок! — зычно крикнул из-за двери Наньчжан.

В спальне Ли Наньчжу только вздохнул.

«Ну конечно, явился мой чересчур заботливый братец. Кто бы сомневался».

Раз пришла и невестка, продолжать валяться в постели было бы верхом неприличия. Наньчжу нехотя поднялся и позволил служанкам войти для утреннего туалета.

— Брат! Вы с невесткой подождите меня в гостиной, я сейчас выйду! — крикнул он сквозь двери. — И не смейте обзывать меня неженкой за глаза!

Великий князь, который как раз собирался шепнуть жене колкость об изнеженности брата, застыл с полукрытым ртом.

— Откуда он все знает? — пробурчал Наньчжан, пытаясь оправдаться. — Да и что плохого в слове «неженка»?

Госпожа Цзоу поддразнила мужа:

— О неужели? А сам-то великий князь Ли неженкой никогда не бывал?

От этих слов Наньчжан лишился дара речи.

— Ну вот, опять вы спелись против меня, — беззлобно проворчал он. — С вами двумя спорить — себе дороже.

Они прошли в гостиную и уселись пить чай. Слыша звонкий, полный сил голос брата, великий князь окончательно успокоился: здоровье мальчишки точно в порядке.

Вскоре Ли Наньчжу умылся, оделся и вышел к гостям. К этому времени в гостиной накрыли богатый завтрак.

— Доброе утро, брат, невестка! Может, перекусите со мной? — весело поприветствовал их Наньчжу.

— Я пас, — с улыбкой покачала головой госпожа Цзоу. — Вы, мужчины, ешьте, а я просто посижу рядом.

Братья без лишних церемоний сели за стол. Наньчжу заботливо налил брату чашку жидкой рисовой каши. Ли Наньчжан смотрел на это с видом преисполненного гордости родителя: «Надо же, как вырос мой младший».

Наньчжу лишь закатил глаза:

— Брат, мне вообще-то девятнадцать лет, а не девять. Хватит обращаться со мной как с младенцем.

— Хоть сто лет тебе стукнет, для меня ты всегда останешься младшим братишкой, — отрезал Наньчжан. Помолчав мгновение, он добавил: — С другой стороны... время и впрямь летит. Мне уже пятьдесят четыре. Конец года на носу, праздники отгремят, а там тебе и двадцать исполнится.

С этими словами великий князь многозначительно посмотрел на брата. Тот сделал вид, что ничего не заметил, и молча принялся за кашу.

Видя, что Наньчжу упорно молчит, великий князь продолжил гнуть свою линию:

— Девятнадцать лет парню, а до сих пор по ночам от кошмаров просыпается! И после этого

смеет утверждать, будто он не ребенок. Вот женился бы, появилась бы в твоих покоях заботливая душа, согревала бы постель холодными ночами...

Госпожа Цзоу деликатно кашлянула в кулак. Наньчжан тут же обернулся к ней, заботливо справляясь о ее здоровье, но Наньчжу лишь усмехнулся:

— Невестка тебе намекает, дорогой брат, что я вообще-то гэер. Даже если ты мечтаешь сосватать меня, выражайся тоньше. И кого же ты мне прочишь в супруги — мужчину или женщину?

При одной мысли о том, что он родился гэером, у Наньчжу начинала болеть голова. Похоже, в этой жизни согревать постель ему придется исключительно в одиночестве.

Чтобы поскорее сменить опасную тему, Наньчжу состроил жалобную гримасу:

— Брат, угадай, что мне приснилось сегодня ночью?

— И что же? — любопытство великого князя мгновенно взяло верх, и он тут же забыл о сватовстве.

— Нянянь. Ну, Сяо Нянь, помнишь его? Он ведь когда-то гостил в нашей усадьбе.

Услышав это имя, Ли Наньчжан медленно кивнул, и улыбка сошла с его лица. Сяо Нянь — единственный сын покойного наследного принца. Какая печальная судьба...

— Мне приснилось, будто он взошел на престол. Весь в крови... На первый взгляд одежда казалась праздничной, ярко-красной, словно он собрался под венец, но это было не так. С подола непрестанно капало, а в воздухе стоял густой, удушливый запах крови. Сам он ничуть не изменился, остался таким же тихим и послушным, как в детстве. Он все кланялся мне, благодарил и звал «дядюшкой»...

Наньчжу поежился. Сон помнился до мельчайших деталей, и ему казалось, будто металлический запах крови до сих пор щекочет ноздри. Обычно сновидения улетучивались из его головы вскоре после пробуждения, но это засело в мыслях пугающе прочно.

В любой другой благородной семье за подобные разговоры о престолонаследии немедленно бы в ужасе зажали говорящему рот. Однако великий князь оставался абсолютно спокоен. Подумаешь, глупый детский сон. Наньчжу ведь еще совсем юн, к чему воспринимать его бредни всерьез?

— Надо же так перепугаться из-за обычного сна, — хмыкнул Наньчжан, отпивая кашу. — Пустое это. Кто бы ни уселся на трон, без большой крови дело никогда не обходится.

Заметив, как побледнел Наньчжу, госпожа Цзоу поспешила разрядить обстановку:

— Если подумать, императорский внук Ли Яннян действительно вырос достойным юношей. Когда он гостил у нас после тех страшных потрясений во дворце, то дичился всех вокруг. Мы ума не могли приложить, как к нему подступиться и чем утешить. Но к нашему Сяобао он потянулся всей душой, да и Сяобао в нем чая не чаял. С первой же встречи поладили, точно родные братья.

«Дядюшка Наньчжу».

Ли Наньчжу вновь представил залитого кровью Ли Янняня, покорно склонившего голову. Столько лет они не виделись, а во сне он узнал его в одно мгновение.

— Полноте, мальчику уже исполнилось пятнадцать, — заметил Ли Наньчжан. — Неудивительно, что Его Величество задумался о его будущем и начал присматривать невест.

Ли Наньчжу лишь обреченно вздохнул:

— Брат... из тебя получилась бы отличная сваха. Какую бы тему мы ни завели, ты все равно умудряешься свести разговор к браку.

Госпожа Цзоу прикрыла рот шелковым платком, сдерживая смех. Великий князь обиженно насупился, но бранить любимого младшего брата у него не поднялась рука. Он лишь напустил на себя важный вид и недовольно проворчал:

— Будто мне больше заняться нечем! Кстати о столице: на днях из дворца пришел указ. Его Величество сокрушается, что не видел тебя много лет, и повелевает тебе прибыть в столицу на празднование Нового года. Я уж было хотел написать ответ и под благовидным предлогом избавить тебя от этой скуки, зная твою лень, но ты сегодня сам заговорил о делах столичных.

Ли Наньчжу тут же наострил уши и с важным видом изрек:

— Брат, Его Величество наконец-то начал за спиной точить на тебя зубы! Наверняка хочет заманить меня в столицу и держать в заложниках, дабы ты не вздумал бунтовать!

Во всех приличных романах сюжет развивался именно так, ведь их клан обладал слишком большим могуществом на границе.

Ли Наньчжан на мгновение опешил от столь бурной фантазии, а затем снисходительно усмехнулся:

— Император пишет, что ты вошел в пору зрелости. У него как раз подрастают сыновья

подходящего возраста... Так что побереги свои сказки про заложников. Тебя зовут в столицу исключительно на смотрины.

—...

Брат, ты точно заделался свахой!

<http://bllate.org/book/19962/1990173>